

Стратегии конструирования субъекта в поэзии А. Горенко

Марина Г. Березина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marinaberezberezina@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматривается лирический субъект в поэзии Анны Горенко. Поэтика указанного автора представляет сложное конструирование субъектной структуры, не подходящее под одну конкретную типологию. На основании анализа ряда текстов из поэтического сборника «Праздник неспелого хлеба» А. Горенко мы выделим стратегии сборки субъекта. Расщепление на несколько говорящих инстанций (в том числе на фигуру Другого, местоименную форму «мы» и ролевых субъектов), дискурсивное мерцание внутри речи говорящего, телесная диссоциация рассматриваются как ключевые практики моделирования субъекта. В статье продемонстрировано, как перечисленные стратегии соотносятся друг с другом и влияют на проблематику поэзии А. Горенко. Через субъектную структуру в текстах репрезентируется децентрированность идентичности, обусловленная травматической природой опыта, проблематичностью индивидуального высказывания в условиях дискурсивного порядка.

Ключевые слова: современная русская поэзия, лирический субъект, Другой в поэзии, местоимение «мы», расщепленный субъект, дискурсивная обусловленность

Для цитирования: Березина М.Г. Стратегии конструирования субъекта в поэзии А. Горенко // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 143–153. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-143-153

Strategies of constructing a lyrical subject in the poetry of Anna Gorenko

Marina G. Berezina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marinaberezberezina@gmail.com*

Abstract. The article considers the lyrical subject in the poetry of Anna Gorenko. The author's poetics presents a complex construction of the subject

tive structure, not suitable for one particular typology. Following the analysis of a number of texts from the poetic collection «Feast of uneaten bread» by A. Gorenko we will define strategies of the subject's assembly. Splitting into several speaking instances (including the figure of the Other, the pronominal form «we» and role-playing subjects), discursive “flickering” within the narrator's speech, bodily dissociation are considered as key practices of modeling the subject. The article will demonstrate how the listed strategies relate to each other and influence the problematics of A. Gorenko's poetry. Through the subject structure in the texts, the decentralization of identity is represented, which is due to the traumatic nature of experience and the problematic individual expression in discursive conditions.

Keywords: contemporary Russian poetry, lyrical subject, the Other in poetry, pronoun “we”, split subject, discursive conditionality

For citation: Berezina, M.G. (2025), “Strategies of constructing a lyrical subject in the poetry of Anna Gorenko”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 143–153, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-143-153

Анна Горенко (настоящая фамилия – Карпа) родилась в 1972 г. на территории Молдавии, в 1990 г. переехала в Израиль, позиционируя себя как израильский автор, пишущий по-русски. Однако ее творчество развивалось в маргинальном русле по отношению к магистральным течениям анклава с характерными «израильскими» чертами (поэзия А. Бараша, Гали-Даны Зингер и др.) Поэтика А. Горенко совмещает в себе сложную искаженность пространства и времени, расщепление субъекта на нескольких субъектов речи, репрезентацию мерцающих и сменяющихся дискурсов внутри самого сознания, телесную деконструкцию, интертекстуальность, наркотическую оптику и библейские мотивы.

Субъектность в поэзии А. Горенко соотносится с предложенной Д. Давыдовым поэтикой последовательного ухода [Давыдов 2002], так как центральной стратегией ее конструирования является дезинтеграция, отказ от устойчивых агентов идентичности как на физическом (телесном), так и на когнитивном, репрезентативном уровнях.

Филолог И. Кукулин, развивая мысль Д. Давыдова, полагает, что для творчества А. Горенко характерен уход от эстетического единства биографии и попытка деконструировать неомодернистский миф об отверженном и одиноком поэте. Можно выделить две стратегии его преодоления: расщепление субъекта на «мы» и инверсия мифа, при которой повествование ведется не от субъекта-ска-

зителя, а от объекта, о котором должно говориться. Деконструируя миф об одиноком героическом поэте, А. Горенко сотворяет новый, центральной фигурой которого становится собеседник или персонаж видения [Кукулин 2019, с. 654].

Говоря о последовательном саморазрушении (как биографическом, так и творческом) филолог Е. Сошкин подчеркивает мифологическое начало данных практик, связь с шаманскими, древними ритуалами высвобождения души из тела. В таком случае, субъект поэзии становится медиатором, пытающимся вернуть утраченное райское единство и андрогинность [Сошкин 2002].

Внешне различные стратегии конструирования субъекта отражают проблему кризиса идентичности, децентрированности сознания после травматического опыта, который в поэзии А. Горенко может быть вызван как переживанием исторической катастрофы, так и специфической наркотической оптикой, на которую не раз обращали внимание исследователи [Давыдов 2002]. Далее мы рассмотрим несколько стихотворений из сборника А. Горенко «Праздник неспелого хлеба», в которых наглядно продемонстрированы различные стратегии сборки субъекта.

В тексте «Смерть прикрывает наготу»¹ представлен характерный для поэтики А. Горенко составной субъект «мы», представляющий из себя единство «я + ты» [Малкина 2024, с. 39] (в данном случае, мы – брат и сестра). Однако его также можно описать как «мы» отверженности или «мы» родственности, который, как считает Н. Азарова, относится к скользящему субъекту, который находится вне деления на инклюзивного и эксклюзивного, единичного и множественного [Азарова 2019, с. 283]:

смерть прикрывает наготу
плотью мальчика головой щенка
вот, мы брат и сестра
пойдем спустимся в пустоту

тогда
по горло во тьме
клекочущие небеса стараясь не видеть
вот, вы брат и сестра
скажут боги прячущие лицо

¹ Горенко А. Праздник неспелого хлеба: стихи девяностых годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003 // Вавилон. URL: <https://www.vavilon.ru/texts/gorenko1.html> (дата обращения 20.11.2024). Далее тексты стихотворений цитируются по данному изданию.

в этот праздник неспелого хлеба нас некому выводить
от полей каменных злаков чеканной конопли
в этот день несвернувшейся крови некому нас простить
мы брат и сестра
из дельты

голуби
голуби площадей нас научили
жить

«Мы» в тексте осуществляют спуск вниз по пространственной вертикали – в тьму пустоты, которая становится укрытием от «клекочущих небес». Через синтаксический параллелизм реализуется расщепление на «мы» и инстанцию, выражающую богов («вот, мы брат и сестра / <...> / вот, вы брат и сестра / скажут боги прячущие лицо»). Мы можем говорить о ролевом субъекте, одна маска которого – изгнанные брат и сестра «мы», другая – изгоняющие их, прячущие лицо боги.

Мотив отверженности «мы» богами И. Кукулин связывает с ритуальным кровосмешением в Древнем Египте как актом подражания богам [Кукулин 2019, с. 654]. Но даже при отсутствии конкретной культурно-исторической трактовки за образом «мы» как непрощенных богами брата и сестры стоит андрогинность, отмеченная Е. Сошкиным, утраченная вследствие совершения необратимого греха [Сошкин 2002].

В тексте «Небце синее косое...» отображен еще один вид субъекта, которого можно отнести к типу референцирующего в терминологии Е. Сусловой. Для него характерен «языковой разрыв» с сопутствующими семантическими искажениями, метонимическим смещением, нарушениями грамматической валентности, искажением субъектно-объектных отношений [Суслова 2018, с. 137]. Наравне с инстанцией лирического субъекта, грамматически выраженной местоимением «я», можно встретить инстанцию «мы», имплицитно выраженного «ты»-Другого (обращение «послушай»), а также ролевого субъекта или авторскую маску (шмель). При этом само «косое небце», глядящее в субъекта «я» в первой строфе может рассматриваться как еще одна ролевая предметная маска субъекта, нарушающая логику субъектно-объектных отношений:

Небце синее косое
дурно глянется в меня
поделись-ка ты со мною
полстраною и коня

шмель за угол и нежного покроя
мелькнул и пел полый полупальто
пой флейта лето это ли не то
шмель на восток
мы были если двое

Строка «мы были если двое» утверждает бытие субъекта как сосуществование с «ты». В данном случае «мы» представляет из себя неразделимое единство, необходимое для присутствия в мире вообще. Это реализуется и на грамматическом уровне, где эллиптическая конструкция, нарушающий синтаксическую связанность и логичность высказывания, усиливает необходимость со-бытия «мы».

Подобное грамматическое искажение, влияющее на субъектную структуру текста, видно в четвертой части текста «Наблюдательный пункт». В условиях нарушения грамматической валентности вновь возникает мотив безусловной слитности «я» и Другого, которая закрепляется в финальных строках, где действие замирает в невозможной конечности:

и ты был я –
казался мне собою
и свист Тарковского не остывал от слуха
не гасла чайная луна

Возвращаясь к тексту «Небце синее косое...», мы упомянем еще одну стратегию сборки субъекта, связанную с расщеплением и вводом маски множественного субъекта – шмеля. В отличие от классической ролевой лирики, данный персонаж представляет скорее критическую отчуждающую инстанцию [Корчагин 2012, с. 228], при помощи которой вводится иронический дискурс, грамматически и стилистически отличающийся от основного массива текста как чужая речь:

я все сказал
тем
кто поправил мне воротник
и высморкался в мой шарф
от избытка чувств
я
может как бы и отослал
ее-то зашившую мне пальто
я понимал окружающую среду как флюс
или тампон
но в глубине души.

Игровое, ироническое начало в тексте реализуется за счет парадоксального сочетания нескольких дискурсов: возвышенного стиля, романтического пафоса оскорбленного шмеля («его лапка еще пьянела гибелью стиля»), и просторечной лексики. Расщепления субъекта на несколько инстанций осуществляется путем наличия нескольких центров-высказывания («я», «мы», шмель). Сменяющиеся дискурсы проблематизируют возможность линейного, упорядоченного высказывания о личном опыте. Любая речь как порядок власти подлежит механизмам контроля [Фуко 1996, с. 51], возможность индивидуальности подрывается, а логоцентризм [Деррида 2000, с. 115] выступает как главный принцип власти над языком. В поэзии А. Горенко субъект, помимо носителя точки зрения, выполняет композиционную функцию, соединяющую различные дискурсы, на стыке которых становится возможным высказывание. Оно выводит отнятую речь из порядка подчиненности.

Дискурсивная обусловленность также встречается в тексте «Северьюг», где субъект выражен сразу в нескольких формах, связанных с определенными дискурсами: райское единство «мы», пародическое «я», женское «ты», обращающееся в Терезу. Эскапистской жизнь в раю вне мирских тревог соответствует слитое мы:

Мы жили в раю мы не знали что делать с собой
 свет возле окон боялся войти как живой
 Между воды нам вложили пластинку сухих
 на четырех цеппелинах лежащих небес
 Звезды за городом резали взвившийся лес
 пение леса летело на ломтики крыш
 В наших краях время темнее слюды
 здесь же в раю зима и бела и темна
 и между нами свобода стоит как стена
 Жили в раю увернувшись от медной иглы
 бедной войны и торговли и воли слепой
 Выйдешь – прохожие все влюблены или злы
 Только воротишься – и затомишься собой

В пародическом дискурсе, выделенном авторским курсивом, в качестве источника использовано стихотворение «Парус» М.Ю. Лермонтова, за счет чего актуализируется, но переосмысливается романтическая дихотомия реального мира и мира запредельного, к которому стремится лирический субъект:

*холодй трясется ложи блещут
и мачта гнется и скрипит
и я лицом в чужие вещи
от удивления визжит.*

В данном фрагменте единое «мы» сменяется грамматически несогласованным с другими членами предложения «я», которое перемещается из одного физического и дискурсивного пространства в другое (вертикальное перемещение из рая в земной мир, или с севера на юг, а также динамика перехода от библейского дискурса к бытовому и наркотическому).

Расщепление первоначального целостного «мы» связано с первородным грехом, где в образе лакомства – ломтика меда – обнаруживается запретный плод Дерева познания добра и зла (*«съев ломтик меда лучше смыться / не то поймут и простят / нет я не сможет возвратиться в заветный край простых цитат»*). При этом невозможность вернуться иронически обыгрывается как осознанное нежелание и страх быть прощенным, что деконструирует христианскую заповедь о прощении. В этом отношении уместно вспомнить концепцию И. Кукулина, который рассматривает поэтику А. Горенко как деконструкцию мифа о проклятом поэте [Кукулин 2019, с. 653]. Невозможность возвращения утверждается в данном тексте с ироническим пафосом и чертами негативной идентичности, которая проявляется через осознанную и намеренную непричастность к райскому простому целому.

В перевернутом раю субъект утрачивает андрогинность «мы». Он расщепляется на несколько дискурсов и переживает как внутреннее, так и пространственное перемещение в южный рай, где наркотические и ритуальные характеристики приобретает сакральное:

*Тереза я люблю тебя но знай что кровь твоя сладка
рот аккуратно запаяй и шторы опусти
моя любовь повсюду здесь но кровь твоя сладка сладка.*

Наркотический дискурс, таким образом, проявляется в преломленной объективности мироощущения, отсутствии логической сопоставимости событий, а также в наличии специфических агентов желания (кровь, сладкое).

Помимо указанных дискурсов, в поэтике А. Горенко также встречается детский, связанный с попыткой говорения об историческом травматическом опыте. В тексте «Одноместный самолетик

прыгает через заборчик» инфантильный дискурс становится средством говорения о политическом и языком рефлексии исторической травмы – военного конфликта в Гагаузии в 1990-х гг.:

...Гагауз крещен был Константином
ювелира звали просто Джеф
они покинули родную степь
смущенные войны картиной
и в Палестину паровозик воздушный направляет бег.

Заборчик с детским уменьшительно-ласкательным суффиксом содержит ту же семантику, что и граница для инфантильного сознания. Клизма в данном тексте олицетворяет принудительность перехода границы («Двухместный самолетик прыгает через заборчик / Трехместный самолетик поганка не хочет прыгать / и ему ставим клизму»). «Взрослому» дискурсу принадлежат уже другие грамматические формы слов и иной лексический пласт: «а следом и складной кораблик / с тыщместной двухсалонной древнегреческой галерой».

Перейдем к последнему рассматриваемому типу расщепленного субъекта, для которого характерна репрезентация телесной диссоциации. Стратегия подобного расщепления соотносится с введенным Д. Кузьминым для анализа текстов А. Скидана понятием фрэггинга, для которого характерно описание подрыва языка путем, в том числе, репрезентации физиологических увечий [Кузьмин 2019, р. 209]. Фиктивное эротическое тело субъекта выступает как символическая жертва, претерпевающая мучения как необходимость выявить границы идентичности и выйти из порядка подчиненности. Телесная диссоциация, с одной стороны, позволяет вырваться из структуры насилия Другого, с другой же, подчеркивает травматичность сознания субъекта, в котором ни тело, ни личность не принадлежат ему и являются постоянно фрагментируемыми.

В особенности данная стратегия продемонстрирована в тексте «Первый верлибр». Субъект расщеплен на инстанцию «я», расчленяющую свое тело, и фигуру Другого, возражающего против этого. «Я» называет себя швеей, перекодировав этот образ из создающей целое из элементов в обратном направлении: расщепляющую целое на части. В данном случае тело приравнивается к материалу, объекту:

я сажусь на скамейку и потихоньку начинаю
резать. с первой ноги по порядку

Литература

- Азарова 2019 – Азарова Н. Новые проблемы старого «мы» // Russian Literature. 2019. Vol. 109–110. P. 275–300.
- Давыдов 2002 – Давыдов Д. Поэтика последовательного ухода // Новое литературное обозрение. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/poetika-posledovatel'nogo-uhoda.html> (дата обращения 20.11.2024).
- Деррида 2000 – Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Корчагин 2012 – Корчагин К. «Маска сдвигается вместе с кожей»: Способы конструирования субъекта в политической поэзии 2010-х гг. // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. С. 225–238.
- Кузьмин 2019 – Кузьмин Д. Фрэггинг: Распыление и собирание лирического субъекта в поэзии Александра Скидана // Russian Literature. 2019. Vol. 109–110. P. 203–220.
- Кукулин 2019 – Кукулин И. Анна Горенко // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 653–657.
- Малкина 2024 – Малкина В.Я. Типы субъектов в лирике // Субъектная структура лирики. М.: Эдитус, 2024. С. 30–46.
- Сошкин 2002 – Сошкин Е. От адамова яблока до Адамова языка: территория Анны Горенко // Новое литературное обозрение. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/ot-adamova-abloka-do-adamova-yazyka-territoriya-anny-gorenko.html> (дата обращения 24.11.2024).
- Суслова 2018 – Суслова Е. Субъект и субъективация в новейшей русской поэзии: подступы к типологии // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии: теория и практика / ред.-сост. Х. Шталь, Е. Евграшина. Берлин: Peter Lang, 2018. P. 129–142.
- Фуко 1996 – Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

References

- Azarova, N. (2019), “New issues with the old ‘we’”, *Russian Literature*, vol. 109–110, pp. 275–300.
- Davydov, D. (2002), “The poetics of consistent withdrawal”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/poetika-posledovatel'nogo-uhoda.html> (Accessed 20 Nov. 2024).
- Derrida, J. (2000), *O grammatologii* [De la grammatologie], Ad Marginem, Moscow, Russia.

- Korchagin, K. (2012), “ ‘The mask is torn of with the skin’. Ways of constructing the subject in the political poetry of 2010s”, *Novoe literaturnoe obozreni*, no. 6, pp. 225–238.
- Kuzmin, D. (2019), “Fragging. Dispersing and reassembling the lyrical subject in Alexander Skidan’s poetry”, *Russian Literature*, vol. 109–110, pp. 203–220.
- Kukulin, I. (2019), “Anna Gorenko”, in Kukulin, I., *Proryv k nevozmozhnoi svyazi: stat’i o russkoi poezii* [Breakthrough to the impossible connection. Articles on Russian poetry], Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, Russia, pp. 653–657.
- Malkina, V.Ya. (2024), “The types of subject in lyrics”, in *Sub’ektnaya struktura liriki* [Subjective structures of lyrics], Editus, Moscow, Russia, pp. 30–46.
- Soshkin, E. (2012), “From the Adam’s apple to the Adam’s language. The territory of Anna Gorenko”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/ot-adamova-abloka-do-adamova-yazyka-territoriya-anny-gorenko.html> (Accessed 24 Nov. 2024).
- Suslova, E. (2018), “The subject and subjectivation in new Russian poetry. Approaches to the typology”, in Shtal’, Kh. and Evgrashina, E., eds., *Sub’ekt v noveishei russkoy-azychnoi poezii: teoriya i praktika* [Subject in the newest Russian-language poetry. Theory and practice], Peter Lang, Berlin, Germany, pp. 129–142.
- Foucault, M. (1996), “L’Ordre du discours”, in Foucault, M., *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti: Raboty raznykh let* [The will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality], Kastal’, Moscow, Russia, pp. 47–96.

Информация об авторе

Марина Г. Березина, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marinaberezberezina@gmail.com

Information about the author

Marina G. Berezina, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; marinaberezberezina@gmail.com